

Лингвистика

И ПОЭТИКА

Т. О. Гаврилова, К. С. Федорова

МНИМОЕ СХОДСТВО И СХОДНАЯ МНИМОСТЬ: регистр общения с иностранцами vs. регистр общения с детьми в русском языке¹

Настоящая статья посвящена сравнению двух языковых вариантов, особенности которых определяются фактором адресата, — регистра общения с иностранцами (далее РОИ) и регистра общения с детьми (далее РОД). Причиной выбора для сравнения именно этих двух регистров стало сложившееся в социалингвистике мнение о чрезвычайной близости данных языковых вариантов. И в том, и в другом случае языковая компетенция адресата крайне ограничена, что вынуждает говорящего модифицировать свое речевое поведение, причем такие изменения, как правило, трактуются как упрощения. В западной социалингвистике даже возник специальный термин — «упрощенный регистр», объединяющий, помимо других ограниченных кодов, РОИ и РОД (Ferguson, DeBose 1977). Однако, как показывает детальный анализ материала обоих регистров в русском языке, такой подход не вполне оправдан.

РОИ vs. РОД. История заблуждения

Мнение о том, что РОИ и РОД похожи и по типу обслуживаемых ими ситуаций, и по собственно лингвистическим чертам, возникло и укрепилось по многим причинам. По-видимому, не последнюю роль в

¹ В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на научных чтениях Петербургского лингвистического общества в декабре 2001 года.

сближении РОД и РОИ сыграл факт языка исследователей, в частности «англоязычность» Ч. Фергюсона, впервые обратившего серьезное внимание на эти языковые явления. С одной стороны, низкая флективность английского языка не дает возможности увидеть некоторые отличительные особенности регистров: в области словоизменения в английском меньше возможностей для нарушений, а одно из отличий РОД и РОИ, по материалам русского языка, касается как раз отношения регистров к грамматическим нарушениям. С другой стороны, отсутствие особенностей в области словоизменения повышает в глазах исследователя значение некоторых других черт регистров. Самой яркой чертой оказался пропуск глагольной связки, который характерен и для РОД, и для РОИ в английском языке. Именно на эту особенность обратил внимание Ч. Фергюсон при изучении механизмов упрощения в языке, и именно эта особенность стала объединяющей для так называемых упрощенных регистров, к которым традиционно относят РОИ и РОД (Ferguson 1982; 1996). Понятие упрощенного регистра имеет отчасти количественный смысл: в упрощенном регистре может быть меньше лексикон, возможны фонетические упрощения, могут опускаться грамматические элементы. Магия термина «упрощенный регистр» способствовала укоренению мифа о принадлежности РОД и РОИ к одному типу языковых явлений, в которых действуют одни и те же механизмы. Казалось бы, очевидно, что, обращаясь к адресату, плохо владеющему языком (будь то ребенок или иностранец), говорящий должен упрощать свою речь. Однако это не совсем верно. В частности, применительно к русскому РОИ трудно говорить о лексическом или фонетическом упрощении, в то время как некоторые лексические особенности РОД могут быть оценены как направленные на упрощение.

Мнение о том, что и в РОД, и в РОИ действует тенденция к упрощению, связано с представлением о некомпетентности их адресатов в языковом плане и некоторой ограниченности в социальном: и ребенок, и иностранец плохо владеют языком адресанта, а также не знают всех (или многих) норм поведения в данной культуре. В сближении РОД и РОИ важную роль сыграл выбор объекта первых исследований. РОИ начали изучать с иностранцев-неевропейцев, с таких, которые отличались от говорящего не только незнанием языка, но и культурным, социальным уровнем, воспринимались как более простые, наивные (Meijer, Muysken 1977). По этим признакам их и сближали с детьми: иностранец считался неспособным воспринять язык во всей его сложности в силу своего развития.

Конечно, трудно спорить с тем, что ребенок и иностранец не владеют или недостаточно хорошо владеют языком, но дело не только в этом. Исследователь может задать себе и другие вопросы: насколько некомпетентность адресата мешает говорящему в случае РОД и РОИ, а так-

же каковы в каждом случае цели говорящего (например, стремится ли он быть в принципе понятым).

Ч. Фергюсон был, конечно, прав в том, что некоторые формальные особенности РОД и РОИ совпадают, какие-то ресурсы системы языка не используются, закрыты для регистров, но возникает вопрос, одинакова ли природа маргинальности этих регистров и всегда ли одинакова сама по себе эта маргинальность.

Исследователи обращали внимание и на различия между рассматриваемыми регистрами, но различия эти считались непринципиальными. Яркий пример — статья Барбары Фрид, в которой автор сравнивает РОИ, РОД и «нормальную речь» (то есть коммуникацию между взрослыми носителями одного языка) (Freed 1981). В результате обработки данных эксперимента получилось, что регистры одинаковым образом отклоняются от норм обычной коммуникации, а неодинакова лишь степень этого отклонения. Например, средняя длина фразы (в словах) в РОД — 4,24, в РОИ — 6,74 (если иностранец только начинает изучать язык) и 9,66 (если иностранец находится на достаточно продвинутом уровне), а в обычной речи — 12,13. Сразу заметим, что русский материал дает совсем другую картину: РОД и РОИ неодинаковым образом нарушают «нормы» разговорной речи. Возможно, объяснение полученных Б. Фрид результатов можно искать в самой постановке эксперимента: данные по обычной коммуникации были получены в беседе самой исследовательницы с участниками эксперимента на те же темы, что они обсуждали с иностранцами. Не исключено, что подобная искусственность «обычной коммуникации» могла повлиять на результаты эксперимента.

Исследование РОД и РОИ на русском материале показало, что регистры отличаются по собственно лингвистическим особенностям и по типу коммуникации, которую они призваны обслуживать. Возможно, это связано с тем, что нами был рассмотрен РОД лишь на раннем этапе взаимодействия взрослого и ребенка — возраст адресата был ограничен двумя годами. Нельзя исключить возможности того, что более поздняя разновидность РОД окажется ближе по своим особенностям к РОИ.

РОИ vs. РОД: мнимое сходство

Можно предположить, что РОИ и РОД, хотя и могут сближаться, представляют из себя различные социолингвистические объекты. Однако насколько сильны между ними различия собственно лингвистические? Безусловно, в рамках статьи невозможно полностью описать все лингвистические особенности РОИ и РОД, поэтому мы ограничимся некоторыми наиболее яркими чертами фонетического, синтаксического и лексического уровней, на примере которых хорошо видны различия между данными регистрами русского языка. При этом в качестве условной нормы, с которой может сопоставляться языковой

материал как по РОИ, так и по РОД, используются данные по русской разговорной речи (далее РР), изученной достаточно подробно (Земская и др. 1981; Разновидности 1988; Русская 1973; 1983). Отличие ситуаций использования РОИ (при неформальном общении с иностранцем, например, в дружеской компании) и РОД от сферы употребления РР состоит в том, что в качестве адресата выступает человек, не только не (вполне) владеющий языком, но и играющий особую социальную роль («младенца», «иностранного студента» и т. п.). При этом нередко общение происходит сразу между несколькими говорящими, среди которых, хотя бы и в роли молчащего наблюдателя, присутствует «коммуникативно ограниченный» адресат. В этом случае носителю языка периодически приходится прибегать к переключению регистров, переходя с «нормального языка» на «упрощенный» регистр и обратно. Именно на границе таких переключений отличительные особенности регистра становятся наиболее очевидны, и это дает возможность сравнения различных характеристик речи у одного и того же информанта. Таким образом, при сопоставлении нами учитываются как обобщенные характеристики «нормы» РР, приводимые в научной литературе, так и данные по «обычной» речи (обращенной ко взрослому / носителю языка) конкретного информанта, что повышает достоверность сделанных наблюдений.

Фонетический уровень

Громкость как маркер регистра. Прежде чем говорить об отличиях между РОИ и РОД, необходимо отметить как минимум одну объединяющую их фонетическую черту — повышенную громкость высказывания в этих регистрах по сравнению с «обычной» речью, особенно заметную на границе высказываний, адресованных носителям языка/взрослым и иностранцу/ребенку. В РОИ повышение громкости служит для включения иностранца в диалог, маркирования самой ситуации общения с иностранцем. Речь повышенной громкости воспринимается как адресованная иностранцу или нескольким собеседникам, в число которых включается иностранец. Соответственно, понижение громкости высказывания до «нормы» обычной речи служит для своеобразного исключения иностранца из разговора и нередко сопровождается использованием применительно к нему местоимения третьего лица:

- (1) **Иностранец:** Но тогда нужно было? || Парус... Вы использовали тоже...?
Русский 1: Только весла. А парус не поднимали, || потому что не было ветра.
Иностранец: Я думал, что... вы только что сказали, что нужно... ставить... <...>
Русский 1 [к Русскому 2, тихо]: Мы раньше в правилах-то говорили, что нужно было ставить, **он** никак не может понять.

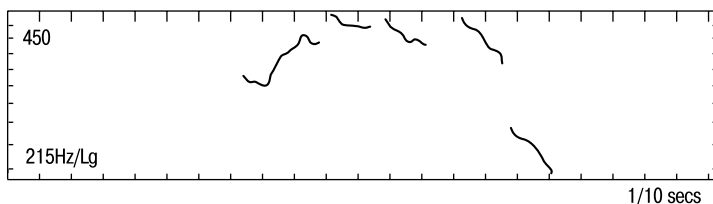
В РОД также изменение громкости маркирует регистровый стык: при обращении к взрослому адресату громкость уменьшается, при обращении

к ребенку — увеличивается. Однако для РОИ повышение громкости является важнейшей и, по-видимому, универсальной фонетической стратегией регистра, его «визитной карточкой», тогда как для РОД эту роль в значительно большей степени выполняет интонация.

Интонация. В РОИ обнаруживаются определенные интонационные изменения, такие, как усиление контура и повышение высоты основного тона при повторе общих вопросов или использование симметричных интонационных контуров в однотипных синтаксических конструкциях (для РР в этом случае характерно варьирование интонационных контуров — Русская 1973: 131–132). Однако они не являются самостоятельными фонетическими стратегиями, а появляются скорее как следствие модификации речи на других уровнях языка, и прежде всего синтаксическом.

В РОД интонация, даже по сравнению с интонационно богатой РР, весьма специфична. Наиболее яркой чертой РОД является высокая частота основного тона и особый мелодический рисунок: высокая предцентровая часть с малым диапазоном частот, тяготение интонационного центра к концу синтагмы вне зависимости от ее длины, растяжение ударного гласного в интонационном центре, нисходящая (или восходяще-нисходящая) интонация в центре:

(2) **Мама:** Кто такая толстая девочка?

Такой интонационный рисунок характерен для псевдovoпросов (вопросов, не имеющих функции запроса информации: *Кто такой маленький?*), а также для утвердительных предложений (*Вот какие мы сладкие!*) и тяготеет к варианту РОД, который может быть назван *воркованием* (это тексты, адресованные еще не говорящему ребенку и отличающиеся высокой интонационной цельностью и большим числом повторов — интонационных, синтаксических, лексических). Интонационное повышение характерно также для имитации речи ребенка при разыгрывании взрослым диалогов, оно же маркирует границу регистров. При этом при откaze от интонационных черт РОД нередко возникает комический эффект, когда в рамках одной фразы интонация РОД вдруг сменяется взрослой интонацией. Разумеется, это смешно только для взрослых, так как часть фразы, произнесенная с обычной интонацией, не адресуется ребенку:

(3) **Мама:** Данюля мальчик или девочка?

Ребенок: Ни деатька.

Мама: Не девочка? [обычным тоном] Но и не мальчик [общий смех]².

Темп речи. Вторая по важности (после повышения громкости высказывания) и значительно в большей степени осознаваемая говорящими при употреблении фонетической стратегия РОИ — замедление темпа речи по сравнению с обычной коммуникацией. Среднее значение темпа речи для РР — 16–18 звуков в секунду (Русская 1983: 54–55). Такой же темп речи характерен и для информантов — носителей языка, общающихся между собой в присутствии иностранца, но в тех случаях, когда он явно не является даже косвенным адресатом высказывания. Однако при обращении к иностранцу или при включении его в число адресатов темп резко снижается до 10–12 звуков в секунду. Среднее изменение темпа речи у информантов составляет при этом 6,2 звука в секунду (замедление в полтора раза!).

В работах, посвященных РОД, как правило, отмечается более медленный темп речи в РОД по сравнению с обычной взрослой коммуникацией (см., например: Ferguson 1978: 208; Naupes, Cooper 1986: 129). Однако эта особенность наблюдается не во всех языках. С. Хакнес отмечает отличие гватемальского РОД от английского (американского), в частности, в области темпа: если американские мамы говорят с детьми медленно, усиливая интонационные контуры, то гватемальские мамы говорят быстро и монотонно (Harkness 1976: 496). Анализ русского материала показывает, что замедление темпа не одинаково характерно для разных групп информантов (мамам и папам в меньшей мере свойственно замедлять речь, чем людям, выступающим по отношению к ребенку в роли «тети» или «дяди»). По мере усиления информативной функции текста темп речи замедляется, но не так значительно, как в РОИ, — в среднем на 2–3,7 звука в секунду (у различных групп информантов).

Специфика произношения звуков. Наконец, наиболее значительные различия в фонетике РОИ и РОД наблюдаются в сфере реализации в речи различных фонем. Здесь эти регистры оказываются как бы по разные стороны нормы РР. Для РОИ характерна ориентация на полный, нормативный тип произношения, при котором реализуются все составляющие словоформу фонемы. Также носители языка избегают характерных для РР лексикализованных фонетических деформаций в высокочастотных словах, таких, как «тогда», «когда», «сегодня», «говорит», «сейчас» и т. д. Таким образом, носитель языка избавляется от тех черт РР, которые кажутся ему неподходящими при общении с иностранцем, — ее «беглости», «смазанности», «небрежности», что делает фонетику РОИ избыточно правильной. Кроме того, в РОИ используется и особая стратегия усиленной артикуляции — максимально четкого произношения,

² Подробнее об интонационных особенностях РОД см.: Гаврилова 2001а.

сопровождающегося значительными мускульными усилиями. В результате такого произношения возрастает интенсивность звука, более четкими становятся его частотные характеристики, различные звуки не сливаются между собой и границы между ними прослеживаются достаточно четко. Ритмическая структура слова также изменяется: уменьшается редукция, удлиняется заударная часть слова, более четким становится слогоделение.

Иная ситуация наблюдается в РОД. В русском языке даже существует специальное слово «сюсюканье», обозначающее манеру говорить с ребенком с сильным «искажением» фонетики. Специфика такого искажения отражена в самом фонетическом облике слова «сюсюканье»: в регистре существует тенденция к использованию мягких щелевых согласных, а также часто встречается редупликация. В целом действующую в РОД тенденцию можно охарактеризовать так: мягкие согласные предпочтительнее твердых, щелевые — взрывных, предпочтителен сдвиг артикуляции вперед. Упрощение групп согласных, как правило, лексикализуется: *сколько/skóka/*, *большой/bas'ój/*. Кроме того, в РОД возможно появление звуков, не входящих в фонемный набор русского языка, — аффрикат /c'/ и /dz'/. Различные фонетические деформации приводят к перераспределению долей разных групп согласных в РОД по сравнению с РР: увеличивается количество мягких (35% при 30% во взрослом диалоге и 32% в монологе) по отношению к твердым и щелевым (40% при 34% в спонтанном диалоге и монологе во взрослой коммуникации) по отношению к взрывным³.

Таким образом, уже на фонетическом уровне высказывания различия между РОИ и РОД становятся вполне очевидны: если РОИ тяготеет к повышенной нормативности, неестественной правильности, чему в немалой степени способствует и сильно замедленный темп, то РОД — регистр, в котором в норму возводятся разного рода неправильности, нарушения и ошибки. Важно также отметить, что для РОИ характерно большое количество хезитационных пауз, связанное с необходимостью для говорящего постоянно контролировать свое речевое поведение в «лингвистически трудной» ситуации и напряжением, которое в результате он испытывает. В то же время в РОД хезитация представлена даже в меньшей степени, чем в «обычной» РР: свобода, которую предоставляет говорящему этот регистр, позволяет ему ослабить контроль над своей речью.

Лексический уровень

Характеризуя различия между РОИ и РОД в сфере отбора лексических средств, важно отметить, что именно лексическая сторона языка в наибольшей мере осознается носителями и привлекает к себе больше

³ Данные по РР взяты из: Фонетика 1988: 214.

всего внимания. В работах по РОД обычно отмечается наличие специфических лексем, характерных для этого регистра, — слов так называемого «детского языка». Количество таких слов, как правило, невелико. По наблюдениям Ч. Фергюсона, число лексем РОД колеблется в пределах от 25 до 60 слов, которыми представлены следующие смысловые группы: термины родства, прозвища, части тела и функции тела, основные качества (хороший, плохой, маленький, грязный и т. д.), названия животных и детских игр (Фергюсон 1975: 429). В сознании рядового носителя языка эта специфическая лексика составляет основу РОД. Заявление информанта *Я с ребенком разговариваю нормально, как со взрослым* нередко следует понимать так: «В разговоре с ребенком я не употребляю “детских слов”». Однако специфика лексикона РОД, безусловно, не исчерпывается в большей или меньшей степени стереотипным «детским» словарем.

В свою очередь, в ситуации общения с иностранцем именно на лексикон, на выбор того или иного лексического средства в наибольшей степени направлено внимание носителя языка. При этом, как представляется, особое значение приобретает «отрицательный выбор» — избегание говорящим тех или иных лексем, которые, по его мнению, могут спровоцировать коммуникативную неудачу или просто оцениваются как «неподходящие» для РОИ. В частности, общаясь с иностранцем, носители языка стараются отказаться от слов, нарушающих их представление о литературной норме, — диалектизм, сленговых и жаргонных выражений. Предпочтение отдается лексемам более «простым» в каком-либо отношении — семантическом, деривационном, стилистическом (Федорова 2002: 413–422).

Для количественной оценки лексического состава регистра удобно использовать индекс лексического разнообразия, показывающий, насколько «богат» или «беден» словарь того или иного языкового варианта. Этот индекс высчитывается как отношение числа различных лек-

Таблица 1. Индекс лексического разнообразия

Устная публичная речь (монолог)	0,61
Разговорная речь (монолог)	0,54
Разговорная речь (диалог)	0,54
Просторечие (монолог)	0,53
Диалект (монолог)	0,53
Диалект (диалог)	0,49
РОИ	0,48
Просторечие (диалог)	0,47
Устная публичная речь (диалог)	0,45
РОД	0,33

сем в тексте к числу составляющих его словоупотреблений. При этом чем выше значение индекса, тем разнообразнее в лексическом отношении исследуемый текст. Используя данные, полученные при анализе текстов, принадлежащих к разным языковым вариантам (Журавлев 1988: 136), можно проследить как отличия РОИ и РОД от РР, просторечия и других подсистем русского языка, так и различия между этими двумя регистрами.

Как видно из таблицы 1, для РОИ индекс лексического разнообразия составляет 0,48, что меньше, чем значение этого индекса для РР и даже просторечия. Однако для РОД индекс лексического разнообразия еще меньше, причем значительно, и равен всего 0,33 (в отдельных текстах это значение может быть равно даже 0,28). Таким образом, и РОИ, и в еще большей степени РОД отличаются от «обычной» коммуникации в сторону меньшего лексического разнообразия, что связано не только с ограничением словаря, но и с большой ролью, которую в этих регистрах играют повторы (Федорова 2001а):

- (4) **Русский:** Если в троллейбусе, то **до конца** едете, | **до конца**, **до самого конца**.
 (5) **Бабушка:** Чем у девочек вытирают попу? М-м [с пониманием!] **Тряпочками! Тряпочками?** Во-от **тряпочка** прячется. Кто тут прячется-то?

Другой показатель, позволяющий оценить, насколько частотны употребляемые в тексте слова, — индекс лексической тривиальности текста, который вычисляется как отношение суммы частот (по: Частотный 1977) полнознаменательных лексем, употребленных в тексте, к их числу. Чем большее значение принимает индекс, тем «тривиальнее» исследуемый текст, тем более обыденные и частотные лексемы его составляют. Естественно, что получаемые таким образом данные не могут быть вполне убедительны, поскольку сам словарь, на материале которого ведутся подсчеты, создан на основе анализа прежде всего письменных текстов. Однако

Таблица 2. Индекс лексической тривиальности

РОИ	508
Просторечие (диалог)	500
Просторечие (монолог)	497
Устная публичная речь (диалог)	496
Диалект (монолог)	495
Диалект (диалог)	494
Разговорная речь (диалог)	448
Разговорная речь (монолог)	445
Устная публичная речь (монолог)	305
Письменная речь (научный стиль)	174
РОД	157

для сопоставления данных по разным языковым вариантам такой метод представляется оправданным.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на приведенные в таблице 2 значения индекса лексической тривиальности для разных языковых вариантов, — необычайно низкое значение индекса для РОД. Оно составляет всего 157, что ниже соответствующего показателя не только для РР, но даже и для письменной научной речи. Парадоксальность полученного результата объясняется, конечно же, не сложностью лексического состава РОД, а специфичностью используемых в нем лексем. Наряду с типично «детскими» словами, это весьма распространенные в РОД производные слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

(6) **Мама: Зайка!** Во-от **зайка**. Покажи: | где у **лисички носик**? где у **лисички носик**? Покажи **носик** у **лисички**.

Кроме того, в РОД широко распространена языковая игра (Гаврилова 2001в), в ходе которой говорящие спонтанно образуют различные формы, не соответствующие литературной норме, — от бессмысленных звукосочетаний до потенциальных неологизмов:

(7) **Мама: Кусьцы-бутьцы!** <...> За толстое пузичко себя держит **сюсюськин!** **Пусюськин!**

(8) **Дедушка:** Ой | какие мы **скромношки**, | ой какие мы **тихушки**. | О-ай.

В то же время для РОИ индекс лексической тривиальности оказывается несколько больше (508), чем для всех других вариантов. Иными словами, при общении с иностранцем носитель русского языка употребляет несколько более частотные слова, то есть мы имеем дело с ситуацией, противоположной РОД. В частности, для РОИ чрезвычайно характерен отказ от диминутивов при обращении к иностранцу:

(9) **Русский** [к другим русским]: **Картошечку** кому положить? [к Иностранцу] **Картошку** положить?

Однако, как и в случае с индексом лексического разнообразия, отличие значения индекса лексической тривиальности для РОИ не такое существенное, как для РОД. Это объясняется тем, что на лексический состав высказывания в РОИ оказывают влияние две по сути противоположные тенденции.

С одной стороны, при общении с иностранцем носитель языка стремится ограничить число лексических единиц и отобрать те из них, которые кажутся ему в наибольшей степени подходящими для коммуникации с менее компетентным в языковом отношении собеседником. Эту тенденцию можно условно назвать *тенденцией к сокращению вариативности*. С другой стороны, стремясь предоставить иностранному собеседнику возможность выбора из нескольких вариантов, носитель языка прибега-

ет к использованию синонимических возможностей языка, что приводит к повышению разнообразия языковых вариантов. Эту вторую тенденцию можно условно обозначить как *тенденцию к возрастанию вариативности*. Таким образом, реальное речевое поведение носителя языка в ситуации общения с иностранцем оказывается своего рода компромиссом между двумя, по сути противоположными, стратегиями.

Итак, с точки зрения выбора лексических средств РОИ и РОД также демонстрируют если не полную, то значительную несхожесть. Если для РОД характерна смелая языковая игра, использование окказионализмов, большое количество диминутивов, то РОИ тяготеет к нормативности, для этого регистра важна ориентация на лексическое ядро, наиболее частотную, «простую» и стилистически нейтральную лексику. Так на лексическом уровне обнаруживается важнейшее установочное различие между данными регистрами: РОД — регистр, предоставляющий говорящему максимальную свободу выражения, которую не сковывает необходимость достичь понимания, тогда как РОИ — «трудный» регистр, который требует от носителя языка неослабевающего контроля за своим речевым поведением.

Синтаксический уровень

Общим для РОИ и РОД является то, что и в том и в другом случае говорящий стремится говорить за адресата, интерпретировать его высказывания и т. д. Однако причины активности говорящего, его цели в том и другом случае различны.

Говоря с иностранцем, носитель старается облегчить собеседнику задачу, угадать, что он хочет сказать:

(10) **Иностранец:** Мы много...

Русский: ...гуляли?

Иностранец: По городу, да, да. Мы видели, какая... || Мы смотрели... с... Ис... Ис...

Русский: Исаакиевского собора.

Угадывая, таким образом, намерения иностранца, подхватывая и продолжая его реплики, носитель языка снижает долю участия собеседника в диалоге.

В РОД, казалось бы, ситуация сходная. Взрослый интерпретирует вокализации ребенка как реплики диалога, повторяет и дополняет их. Однако делает он это никоим образом не в ущерб коммуникативной активности собеседника, напротив, взрослый делает все, чтобы усилить участие ребенка в диалоге:

(11) **Мама:** А-а-а-х! Гуська-Гуська-Гуська-Гуська. Какие толстые девочки, | давай сядем!

Ребенок: А(э)-а-а-а.

Мама: Будем садиться?

Ребенок: А(э)-а-а-а.

Мама: Не будем.

(12) **Бабушка:** Ты Руфочка [посмеивается]? Ты Руфочка? Да?

Ребенок: А!

Бабушка: Да. Скажи: | я Руфочка. Я Руфочка. Р-р-руфочка! Да? | Р-р-руфочка! Да? Р-руфочка, | да?

В РОД взрослый берет на себя роль партнера по коммуникации, стремится имитировать его участие в диалоге, так как реальные коммуникативные способности ребенка пока еще очень низки. На самом деле, на раннем этапе речевого взаимодействия говорит только взрослый, но он организует свою речь таким образом, чтобы передать ребенку часть своих реплик, а также интерпретировать его вокализации как реплики.

Одно из средств передачи реплики ребенку — использование форм 1 л. мн. числа. Эти формы вводят ребенка в сферу говорящего. 1 л. ед. числа имеет более определенное и четкое значение в языке (маркирует говорящего) в отличие от 1 л. мн. числа, которое развивает разные значения (в русском языке, например, авторское мы, «императорское» мы, «участливое» мы). Регистр использует более подвижную форму 1 л. мн. числа. В РОД «мы» не только заменяет 2 л. ед. числа, выражая «участливое» отношение адресанта по отношению к адресату (что есть и вне регистра), но также может обозначать квазиадресанта — ребенка:

(13) **Дедушка:** Дуся! Покажи свои зубы. А?

Мама: Зубы у нас еще маленькие. Мы их еще не показываем [выше, кокетливо]. Но они у нас есть.

При общении с маленьким ребенком соотношение форм, относящихся к адресату, будет примерно таким (без учета императивных форм): 45% — 1 л. мн. ч., 29% — 2 л. ед. ч., 20% — 3 л. ед. ч., 4% — 1 л. ед. ч., 2% — 3 л. мн. ч.⁴ В эти 45% входят и те формы, которые относятся только к ребенку, и те, которые относятся, скорее всего, к ребенку и взрослому. Количество форм 2 л. ед. числа увеличивается в вопросах, а также в любых «учебных» ситуациях (подробнее см. Гаврилова 2001б).

В РОИ ситуация несколько иная: носитель языка старается избежать коммуникативной неудачи, он не стремится помочь иностранцу вести диалог, скорее он старается ограничить участие собеседника в диалоге, сказать все за него. Формы 1 л. мн. числа по отношению к иностранцу в РОИ, конечно же, не используются, так как у носителя языка нет цели имитировать участие иностранца в беседе, имитировать его языковую компетентность.

⁴ Это усредненные данные, так как они получены при анализе разных текстов. При обращении к новорожденному доля форм 1 л. мн. числа значительно больше, в учебных ситуациях увеличивается доля форм 2 л. ед. числа и 3 л. ед. числа. По мере увеличения языковой компетенции ребенка увеличивается и количество форм 2 л. ед. числа.

РОД и РОИ сближаются по незначительной распространенности в них вопросов. Но сходство это достаточно формально. В РОИ используются в основном общие вопросы, в РОД — специальные. К тому же большая часть вопросов в РОД являются квазивопросами (*Кто такой маленький? Кто такой хорошенький?*). В РОД небольшое количество вопросов (и распространенность квазивопросов) можно объяснить отсутствием установки на реальную коммуникацию. То, что вопросы не слишком часто встречаются в РОИ, говорит скорее о нежелании носителя языка вовлечь собеседника в диалог, создавать новые коммуникативные трудности.

Так как в РОД и РОИ немного вопросов, мы могли бы сказать, что оба регистра недиалогичны. Однако и это сближение оказывается мнимым, что показывает анализ других черт данных регистров.

Важной характеристикой является длина фразы. Анализ длины фразы в РОД и РОИ показывает, насколько отличаются эти регистры по самой коммуникативной установке. В таблице 3 представлены данные по длине фразы в различных типах речи, полученные А. Ф. Журавлевым (Журавлев 1988: 132), а также наши данные по РОД и РОИ.

Таблица 3. Длина фразы (в словах)

Устная публичная речь (монолог)	16,59
Разговорная речь (монолог)	11,87
Диалектная речь (монолог)	10,46
Просторечие (монолог)	10,36
РОИ	9,58
Устная публичная речь (диалог)	5,92
Просторечие (диалог)	5,85
Разговорная речь (диалог)	5,34
Диалектная речь (диалог)	5,24
РОД	3,30

Как можно заметить, длина фразы в различных вариантах зависит не только от степени литературности речи, но и от ее формы, то есть монологического или диалогического характера. Конфронтация «комбинированных средних» выглядит следующим образом:

(устная) литературная : нелитературная 10,22 : 7,98
 (устная) монологическая : диалогическая 12,60 : 5,60
 (Журавлев 1988: 132)

Таким образом, на длину фразы влияет в первую очередь форма речи — монолог и диалог.

Расчеты средней длины фразы в РОД показали, что она несколько изменяется в зависимости от пола говорящего и от возраста ребенка (что связано и с его языковой компетенцией: с 1,5 лет ребенок все более ак-

тивно участвует в диалоге с взрослым). Средняя длина предложения для всего периода от 0 до двух лет для всех говорящих — 3,3. Заметим, что это значение несколько ниже приводимого для английского языка — 4,24 (Freed 1981: 25). Вероятно, это связано с тем, что у Б. Фрид возрастная граница адресата несколько выше, а также с аналитизмом английского языка.

Длина фразы в РОИ — 9,58. Если сопоставить полученный результат с данными А. Ф. Журавлева, мы увидим, что речь носителя литературного языка при общении с иностранцем приближается не столько к диалогической литературной речи (5,92), сколько к монологической разговорной (11,87). Более активная роль, которую играет носитель русского языка в диалоге с иностранцем, способствует монологизации его речи (Федорова 2001б). Интересно также отметить, что обнаруженная на русском материале тенденция к увеличению длины высказываний и их синтаксической сложности при общении с иностранцем, по сравнению с нормой разговорной речи, противоречит сложившемуся уже у исследователей стереотипу. В большинстве исследований на материале других языков уменьшение длины высказывания и синтаксической сложности рассматривается как одна из наиболее характерных черт РОИ (Ferguson, DeBose 1977: 104; Hatch 1983: 66). В частности, в работе Веры Хенцл на материале чешского языка описана тенденция к уменьшению количества слов в высказывании и количества подчинительных связей в предложении при обращении к иностранцам (Henzl 1973: 212–124), но эти данные были получены в экспериментальной обстановке: информанты должны были пересказать текст в университетской аудитории, что создавало неестественную для информанта коммуникативную ситуацию.

Различия по длине фразы показывают, что, по сравнению с нормальной коммуникацией (взрослых носителей языка), РОД оказывается более диалогичным, а РОИ — более монологичным. Имитируя диалог в общении с маленьким ребенком, взрослый сегментирует свою речь даже больше, чем в настоящем диалоге (где это может быть вызвано и коммуникативным поведением собеседника). Небольшая длина фразы в РОД связана с большой долей однословных высказываний, а именно маркеров-сегментаторов «да», «да?», «вот» и пр. (их в раннем женском РОД — 27%, в позднем мужском — 12%). Эти слова помогают взрослому создать видимость диалога:

(14) **Дедушка:** Кто такая мой маленький! Моя Дуська, хорошая девочка! **Да?** Девочка моя хорошая! Да, хорошая моя красавица! Такая сероглазенькая красавица хорошая! **Да?** Хорошенькая моя Дуська! Дуська моя Дудудуська. **Ну?** Дуня-ашка! Покажись маме, какая Дуняшка. Видишь, какая Дуняшка красивая. **Да?** Красивая Дуняшка!

В РОИ такие элементы (*да, вот, ну*) тоже есть, но они не выделяются интонационно в самостоятельные фразы.

Итак, на основании анализа некоторых синтаксических особенностей РОД и РОИ мы можем сказать, что роль говорящего активна и в том, и в другом регистре, так как в обоих случаях слушающий некомпетентен в языковом отношении. Но есть существенные отличия. Мы можем сказать, что компетенция ребенка, с точки зрения носителя, выше, чем компетенция иностранца. Ребенок все понимает и участвует в диалоге, так как взрослый делегирует ему свои языковые способности, любые вокализации ребенка интерпретируются как реплики диалога. Цель взрослого — имитировать коммуникацию, имитировать участие в ней некомпетентного собеседника. У РОИ иная цель — установить реальное понимание, а точнее — избежать непонимания. Говорящий боится коммуникативной неудачи, поэтому стремится минимизировать участие собеседника в диалоге. Следовательно, РОД и РОИ оказываются противоположными по коммуникативной установке, что особенно ярко проявляется на синтаксическом уровне.

РОИ и РОД: сходная мнимость

Таким образом, РОИ и РОД в русском языке представляют собой две самостоятельные и различные в лингвистическом отношении сущности. В то же время, при внимательном рассмотрении обоих этих регистров, обращает на себя внимание известная близость между ними с точки зрения их статуса и отношения к ним носителей русского языка.

В некотором смысле обоим рассматриваемым регистрам свойственна известная «мнимость» в рамках языковой системы. Прежде всего, в русском языке не существует слова или выражения, подобного английскому *baby talk*, которое можно было бы использовать в качестве термина. Упомянувшееся выше слово «сюсюканье» относится только к некоторым, прежде всего фонетическим, чертам РОД и, кроме того, имеет ярко выраженную пейоративную семантику. Для РОИ подобрать название в естественном языке еще сложнее. Для обозначения стереотипной ситуации, когда при общении с иностранцем носитель языка начинает коверкать свою речь, «поддельваясь» под ошибки собеседника, как и для номинации самой неправильной речи иностранца, нередко используется выражение «ломаный язык», также с весьма негативным значением. Отсутствие в языке названия для какого-либо явления косвенным образом свидетельствует о своеобразной «слепоте» к нему носителей языка.

С другой стороны, как явления маргинальные, РОД и РОИ оказываются в высшей степени нагруженными разнообразными стереотипами, которые могут использоваться и для создания комического эффекта. При этом можно говорить о своеобразном разрыве между представлениями носителей языка о том, как они (или другие люди) говорят с детьми и иностранцами, и их реальным речевым поведением. В языковом сознании носителей русского языка существует представление о своеобразном «ломаном», аграмматическом варианте языка, который использу-

ется при общении с иностранцами, причем у большинства не вызывает особых затруднений «перевод» нормативных высказываний на такой ломаный язык:

(15) если бы ты вчера не опоздал, мы бы посмотрели этот фильм → если в тот день ты не ешь поздно, мы смотреть фильм (подробнее см. Федорова 2000).

Однако в современной социолингвистической ситуации такое речевое поведение практически не встречается. В действительности, общаясь с иностранцем, носители языка модифицируют свою речь в сторону неестественной правильности, нормативности.

Для РОД также характерно несовпадение деклараций и реального речевого поведения: в большинстве случаев информанты утверждают, что с ребенком, даже самым маленьким, необходимо говорить «нормально», полными предложениями (*надо говорить как с равным; надо следить за языком, иначе ребенок выучит неправильно язык*). Однако реальное речевое поведение значительно отличается от подобных нормативных установок. Более того, один и тот же человек может заявлять, что никогда не «сюсюкает» с ребенком, разговаривает с ним так же, как со взрослым, но при виде ребенка утрачивает контроль над своим речевым поведением и активно использовать РОД.

Утверждение информантов о неиспользовании ими РОД и вообще о недопустимости такой формы общения с ребенком не случайны. Насколько позволяет об этом судить проведенное исследование, для носителей русского языка характерно в целом негативное отношение к РОД. Использование этого регистра рассматривается как дидактически бесполезное или даже вредное; широко также распространено мнение о том, что «сюсюканье» свидетельствует о дурном вкусе человека, его употребляющего. Поэтому нередко информанты стыдятся демонстрировать свое владение РОД, избегая его использования в присутствии свидетелей. В свою очередь, общаясь с иностранцем, носители русского языка испытывают целую гамму отрицательных эмоций — от напряженности, возникающей вследствие необходимости контроля над своим речевым поведением, до раздражения, вызванного неестественностью и «нелепостью» используемого языкового варианта. Роль, навязываемая говорящему коммуникативной ситуацией, может восприниматься им как не соответствующая его статусу, поэтому нередко, как и в случае РОД, носители языка избегают использования РОИ при свидетелях, чувствуя определенную «сомнительность» этого регистра.

Таким образом, различные по своим лингвистическим характеристикам и коммуникативным установкам, РОИ и РОД в системе русского языка занимают нишу маргинальных регистров — непрестижных языковых вариантов, в большей или меньшей степени игнорируемых большинством носителей языка.

Литература

- Гаврилова 2001а: *Гаврилова Т. О.* Регистр общения с детьми (baby talk): некоторые особенности интонации // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сб. ст. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 227–238.
- Гаврилова 2001б: *Гаврилова Т. О.* Формы множественного числа в регистре общения с детьми // Вестник молодых ученых. Филологические науки. СПб. 2001. № 4. С. 34–40.
- Гаврилова 2001в: *Гаврилова Т. О.* Языковая игра в регистре общения с детьми // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Секция общего языкознания. Ч. 4. СПб., 2001. С. 9–14.
- Журавлев 1988: *Журавлев А. Ф.* Опыт количественно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. Сб. науч. тр. / Ред. акад. Д. Н. Шмелев, д-р филол. наук Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 84–151.
- Земская и др. 1981: *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.
- Разновидности 1988: *Разновидности городской устной речи* / Ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1988.
- Русская 1973: *Русская разговорная речь*. М.: Наука, 1973.
- Русская 1983: *Русская разговорная речь*. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.
- Федорова 2000: *Федорова К. С.* Специфика употребления связки «есть» и процессы упрощения в русском языке // Проблемы социального и гуманитарного знания. Вып. 2. СПб., 2000. С. 334–348.
- Федорова 2001а: *Федорова К. С.* Повтор как стратегия организации дискурса в регистре общения с иностранцами (на материале русского языка) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сб. ст. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 247–258.
- Федорова 2001б: *Федорова К. С.* Регистр общения с иностранцами в русском языке и синтаксис разговорной речи // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 21. Секция общего языкознания. Ч. 2. СПб., 2001. С. 21–26.
- Федорова 2002: *Федорова К. С.* Лексика в русском регистре общения с иностранцами // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Вып. 2. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 409–433.
- Фергюсон 1975: *Фергюсон Ч.* Автономная детская речь в шести языках // Новое в лингвистике. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975. С. 422–440.
- Фонетика 1988: *Фонетика спонтанной речи* / Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.
- Частотный 1977: *Частотный словарь русского языка* / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.

- Ferguson 1978: *Ferguson C. A.* Talking to Children: A Search for Universals // Universals of Human Languages / Ed. by J. H. Greenberg. Vol. 1. Stanford, California, 1978. P. 203–224.
- Ferguson 1982: *Ferguson C. A.* Simplified registers and Linguistic Theory // Exceptional Language and Linguistics / Ed. by L. K. Obler, L. Menn. New York; London, 1982. P. 49–66.
- Ferguson 1996: *Ferguson C. A.* Absence of Copula and the Notion of Simplicity: A Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk and Pidgins // Ferguson C. A. Sociolinguistic Perspectives. Papers on Language in Society, 1959–1994 / Ed. by T. Huebner. New York, Oxford, 1996. P. 115–123.
- Ferguson, DeBose 1977: *Ferguson C. A., DeBose Ch. E.* Simplified registers, broken language, and pidginization // Pidgin and Creole Linguistics / Ed. A. Valdman. Bloomington; London, 1977. P. 99–125.
- Freed 1981: *Freed B. F.* Foreigner Talk, Baby Talk, Native Talk // International Journal of the sociology of language. 28. Foreigner Talk / Ed. by M. G. Clyne. The Hague; Paris; New York, 1981. P. 19–41.
- Harkness 1976: *Harkness S.* Cultural Variation in Mothers' Language // Child Language–1975. London, 1976. P. 495–499.
- Hatch 1983: *Hatch E.* Simplified Input and Second Language Acquisition // Pidginization and Creolization as Language Acquisition. Rowley, 1983. P. 64–86.
- Haynes, Cooper 1986: *Haynes L. M., Cooper L.* A Note on Ferguson's Proposed Babytalk Universals. The Fergusonian Impact // Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of His 65th Birthday. Vol. 1. Berlin; New York; Amsterdam, 1986. P. 127–134.
- Henzl 1973: *Henzl V. M.* Linguistic Register of Foreign Language Instruction // Language Learning. 1973. Vol. 23. № 2. P. 207–222.
- Meijer, Muysken 1977: *Meijer G., Muysken P.* On the Beginning of Pidgin and Creole Studies. Schuchardt and Hesselting // Pidgin and Creole Linguistics / Ed. A. Valdman. Bloomington; London, 1977. P. 21–49.